

ЭТНОГРАФИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH183805-822>

Сефербеков Руслан Ибрагимович
д.и.н., главный научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
ruslan.seferbekov@yandex.ru

Разаханов Саид Сефербекович
аспирант
Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия
S.razakhanov@ya.ru

Галбацов Сурхай Магомедович
преподаватель кафедры общеобразовательных и правовых дисциплин
Северо-Кавказский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)
skf@rpa-mjust.ru

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ ТРАДИЦИОННЫХ ВЕРОВАНИЙ АВАРЦЕВ ГУМБЕТА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX – НАЧАЛО XXI В.)

Аннотация. Написанная на основе полевого материала, с применением общих и специальных методов исторической науки, статья посвящена описанию сохранившихся до советского послевоенного и новейшего времени мифологических персонажей бывшего пантеона и пандемониума аварцев Гумбета – олицетворяемых небесных светил и атмосферных явлений, ряженных и кукол, патронов диких животных и охоты, верховных божеств; «домовых змей», проникающих в жилище и душащих человека во время сна злых демонов, антагонистов беременных, шайтанов. Источниками этих представлений служат фольклор (мифология, клятвы, благопожелания, поговорки), лексика и фразеология, календарные, семейные и общественные обряды, обычаи и верования. С принятием аварцами Гумбета мусульманской религии большинство мифологических персонажей их языческого пантеона и пандемониума было предано забвению, а некоторые из сохранившихся, в виду устойчивости традиционных религиозных верований в духовной культуре этноса, были исламизированы и приняли форму синкретического и «бытового ислама». Некоторые из исламизированных мифологических персонажей стали медиаторами между человеком и Всевышним, что противоречит доктрине ислама. Немалую роль в закреплении домонотеистических верований в духовной культуре аварцев и других народов Дагестана в советское и новейшее время сыграли присущий всем дагестанцам здоровый консерватизм и особенности их менталитета – приверженность к традиционному укладу жизни. Подобное обстоятельство вселяет определенную уверенность в сохранности их религиозной, культурной и этнической идентичности в эпоху глобализации.

Ключевые слова. Мифологические персонажи; традиционные верования; аварцы; советское и новейшее время.

© Сефербеков Р.И., Разаханов С.С., Галбацов С.М., 2022
© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2022

ETHNOGRAPHY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH183805-822>

Ruslan I. Seferbekov
Dr. Sci. (History), Professor, Principal Researcher
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
ruslan.seferbekov@yandex.ru

Said S. Razakhanov
postgraduate student
Dagestan State University, Makhachkala, Russia
S.razakhanov@ya.ru

Surkhay M. Galbatsov
Lecturer of the Department of General Education and Legal Disciplines
North Caucasian Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Makhachkala, Russia
skf@rpa-mjust.ru

MYTHOLOGICAL CHARACTERS IN TRADITIONAL BELIEFS OF THE GUMBET AVARS (SECOND HALF OF THE XX – THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY)

Abstract. Based of field material, using general and specific methods of historical science, the article describes mythological characters of the former pantheon and pandemonium of the Gumbet Avars: personified heavenly bodies and atmospheric phenomena, mummers and dolls, patrons of wild animals and hunting, supreme deities; “house snakes”, demons intruding the dwelling and strangling a sleeping person, antagonists of pregnant women, shaitans. The sources for these characters are folklore (mythology, oaths, good wishes, sayings), vocabulary and phraseology, calendar, family and social rituals, customs and beliefs. With the adoption of Islam, most of the mythological characters of Gumbets’ pagan pantheon and pandemonium were forgotten, and some of the surviving ones, due to the stability of traditional religious beliefs in the spiritual culture of the ethnos, were Islamized and took the form of syncretic, “everyday Islam”. Some of the Islamized mythological characters have become mediators between man and the God, which contradicts the doctrine of Islam. A significant role in consolidation of pre-monotheistic beliefs in the spiritual culture of the Avars and other peoples of Dagestan in Soviet and modern times was played by the healthy conservatism inherent in all Dagestanis and the peculiarities of their mentality – adherence to traditional values. Such a circumstance inspires some confidence in the preservation of their religious, cultural and ethnic identity in the era of globalization.

Keywords: Mythological characters; traditional beliefs; Avars; Soviet and modern times.

Введение

Одной из задач российской этнологии является фиксация сохранившихся до нашего времени традиционных верований этносов с выявлением причин их консервации в духовной культуре того или иного народа в эпоху глобализации. Целью данной статьи является описание сохранившихся до нашего времени мифологических персонажей традиционных верований аварцев Гумбета. Источниками этих верований служат фольклор, лексика и фразеология, календарные, семейно-бытовые и общественно-бытовые обряды и обычаи, которые донесли до нас реликты образов времен культа природы, пантеона и пандемониума аварцев.

При написании статьи были использованы как общие методы исторической науки (историко-типологический, ретроспективный, функциональный, диахронного анализа, системный), так и специальные методы этнологии (опрос, наблюдение, пережитков). Статья написана на основе полевого материала, собранного нами у аварцев сс. Киялтль, Верхнее и Нижнее Инхо и Чирката Гумбетовского района Республики Дагестан в ноябре 2021 г.

Указанные селения входили в прошлом в состав общества Бактлулал (*Бакълъулал*) [1, с. 28]. До начала XIV в. поселения этого микрорегиона входили в состав государства Сарир, население которого исповедовало христианство. Примерно в 1302 г. здесь был принят ислам, и на протяжении всего XIV столетия происходила исламизация жителей левого берега реки Андийское Койсу, которая завершилась к концу этого века [2, с. 31; 3, с. 29]. К этому же периоду, вероятно, следует отнести и исламизацию селений общества *Бакълъулал*. На это же время выпадает и вторжение в этот регион войск Тимура, с именем которого связано окончательное утверждение ислама в Дагестане [2, с. 31; 4, с. 18].

Несмотря на то, что аварцы Гумбета приняли ислам еще в XIV в., в их духовной культуре наблюдаются многочисленные реликты прежних верований, которые сохранились до нашего времени.

Мифологические персонажи традиционных верований аварцев Гумбета

Наиболее древние верования аварцев Гумбета относятся ко временам культа природы и олицетворений небесных светил, атмосферных явлений и стихий. В соответствии с их космогоническими представлениями, солнце («бакъ») – это девушка, а луна («моцI») – юноша. Существовала примета: если беременной во сне приснится солнце, значит, родится девочка, а если луна – мальчик. Были и другие подобные приметы: если беременной снятся посуда и постельные принадлежности, – к рождению девочки, а если лошадь – к мальчику. Иногда в гадании пола будущего ребенка использовали божью коровку. Будущая мать

усаживала божью коровку на кисть своей левой («левая сторона олицетворяет прошлое» [5, с. 178]) руки и когда та, собираясь улететь, переходила с одного пальца на другой, женщина задавала ей вопрос: «Васиш–ясиш?» («Мальчик или девочка?»). То, с какого пальца насекомое взлетало в момент гадания, и определяло пол будущего ребенка (сел. Верхнее Инхо).

Персонифицировали аварцы Гумбета не только небесные светила, но и атмосферные явления. При раскатах грома («гъугъай») взрослые говорили детям: «Гъугъу-дада гъугъадулев вуго» («Гром-отец гремит») (сел. Киятль), «Гъугъу-дада ватІина вуго» («Гром-отец идет») (сел. Чирката). Молнию («пири») представляли в виде летящего «огненного топора» («цІадал гІашти»), которым Всевышний бросался в грешников, наказывая их. Существовало представление, что молния чаще всего ударяет в грецкий орех (сс. Нижнее Инхо, Чирката) и грушу (сел. Чирката). Хваршины также олицетворяли молнию («гІарчІи») в образе огненного топора, которым Всевышний в гневе бросался в грешников [6, с. 68]. Итак, как это видно, молния у аварцев Гумбета представлялась в качестве «огненного топора» – атрибута Всевышнего (громовержца).

Олицетворялись и другие атмосферные явления, например, радуга. Радугу в сел. Киятль называли «Нур» («Сияние»), а в сел. Верхнее и Нижнее Инхо – «Нуралъул кІамури» («Сияющая арка»). Последнее название исходит из представления о радуге, как образе связи разных точек сакрального пространства [7, с. 116], соединяющий землю с небом, верх с низом, человека с Богом [8, с. 117].

У гумбетовцев бытовало мнение, что в радуге 7 цветов, но преобладают красный, синий и желтый (сел. Киятль). При появлении радуги дети кричали: «Нур чІчІун [буго]!» («Сияние [то есть радугу] видно!»).

В сел. Киятль при появлении радуги дети произносили следующую фразу:

«БагІараб – гІурусазе!

ГІурчинаб – дие!».

«Красный («цвет огня, войны, ада» [9, с. 31–32]) – русским!

Зеленый (цвет жизни, весны, растительности, обновления, молодости, возрождения, священный цвет пророка Мухаммеда и самого ислама [9, с. 30–31]) – мне!».

При неожиданном появлении радуги произносили следующую фразу: «ЛъикІалье батайги!» («[Пусть будет] К добру!»).

С радугой были связаны житейские и метеорологические приметы. Например, если один конец радуги упирался в дом, где жила беременная женщина, то у нее должен был родиться сын. Видимо, радуга воспринималась как позитивное атмосферное явление, дарующее своим прикосновением желанного (особенно для отцов семейств) ребенка – сына – продолжателя рода, воина и защитника семьи и сельской общины. Возможно, что эта примета косвенно указывает на мужской пол этого природного явления по аналогии с приметами о небесных светилах. Подтверждением данного предположения является происшедший недавно в Гумбете случай с одной женщиной, которая увидела во сне расколотую надвое луну, после чего у нее умер сын.

Существовала еще примета, что, если напугать беременную, угрожая ей топором или ножом (мужские атрибуты), – то у нее родится мальчик. Такая же примета была, если эти предметы незаметно для нее положить под подушку (сел. Нижнее Инхо).

Появление радуги после дождя было предвестием ясной погоды. Если же радуга раскинулась вдоль реки – это было к дождю, а если поперек нее – к ясной погоде. Если небо ночью было освещено красным заревом – к ясной погоде, а если же утром – к дождю (сел. Киялтль).

Итак, как это видно из приведенного материала, культ природы аварцев Гумбета был представлен олицетворяемыми в антропоморфном облике солнце (девушка) и луны (юноша), грома (Гром-отец Гъугъу-дада) и атрибутом бога-громовержца – молнией (огненный топор). Радуга представлялась образом, связывавшим разные точки священного пространства. Подобные представления бытовали и у других аварцев [10, с. 19–24] и народов Дагестана [7, с. 42–117].

Для аварцев Гумбета – древних земледельцев и скотоводов горно-долинной зоны Дагестана [11, с. 17, 33; 12, с. 47] – осадки имели важное значение. Засушливый климат этой зоны породил ряд обрядов вызывания дождя. Наиболее популярным из них был обряд «вызывания дождя» («цІад гъари» – «дождь просить»), в котором участвовал ряженный «цІадал хІама» («дождевой осел») (сел. Чирката) или «ххарил хІама» («травяной осел») (сел. Верхнее и Нижнее Инхо). Им обычно бывал мальчик-сирота 10–15 лет, которого раздевали догола и обряжали в листья лопуха и длинные стебли «дождевой травы» («цІадал ххер»). В сопровождении детей и подростков ряженого водили по дворам селения с песенкой, в которой просили Всевышнего послать дождь:

«Байги, Аллагъ, чваххун цІад!

Чабхилъа ицц баккизе,

Чваххаги гонгал,

ГІадамал лъалъадизе!».

«Дай, Аллах, чтоб пролился ливень!

Чтоб из-под камней вышла вода,

Чтоб из водостока полилась вода,

Чтоб люди могли заняться поливом!».

Заслышав песенку, к участникам обряда выходила хозяйка дома и окатывала ряженого ведром воды, а сопровождавших его детей и подростков одаривала продуктами (фрукты, хлеб, халва, орехи). Обойдя все дворы села, процессия с ряженным собиралась за селом у родника и устраивала там пиршество из собранных продуктов. В сел. Чирката этот обряд проводился до середины 60-х гг. XX в., а в сел. Верхнее Инхо – до 1985 г.

Следует отметить, что ряженого в обрядах вызывания дождя называли «дождевым ослом» и другие аварцы [10, с. 24–25; 7, с. 254–262]. Название ряженого «травяной осел» демонстрирует его связь с «духами растительности» и «вегетативными демонами» [13, с. 47–50]. Участвующих в обрядах метеорологической

магии ряженных можно рассматривать и в качестве медиаторов между людьми и божествами, ведавшими погодой [7, с. 296].

Помимо обряда с ряженым имелись и другие ритуалы по вызыванию дождя. Например, в сел. Верхнее Инхо этот обряд проводили на северной окраине села, в местности «Къолон чІаби» («Место, на котором закреплен плоский камень»). Это была холмистая местность, заканчивающаяся пропастью. На самом краю этой местности была установлена надмогильная стела (кенотаф) с надписями арабским шрифтом и солярной символикой. Бытовало мнение, что именно в этой местности были заложены первые камни жилищ поселения. В ритуале по вызову дождя участвовали только женщины, возглавляемые знающей мусульманскую обрядность старшей из них. Женщины направлялись к указанному месту рано утром, прихватив с собой как милостыню («садакъя») продукты (пресные лепешки и сушеные абрикосы). Достигнув местности «Къолон чІаби», женщины при помощи мотыг расчищали от мелких камней дорогу, по которой сельский скот утром направлялся на пастбище и вечером возвращался с него. После очистки от камней дороги, женщины усаживались на поляне у дороги и проводили обряд «зикр» [14, с. 77]. После проведения этого обряда, женщины раздавали лепешки и абрикосы присутствовавшим здесь детям и прохожим. Затем все расходились по домам. В последний раз указанный обряд проводили весной 2021 г.

Существовали и другие приемы вызова осадков. Повсеместно в Гумбете во время засухи для вызывания дождя в реку клали лошадиный череп. Перед тем, как опустить череп в воду, произносили мусульманскую молитву «Ясин». В сел. Чирката это действие обычно поручали одному из богобоязненных пожилых мужчин села, который проводил его вплоть до своей смерти в 90-е гг. XX в.

Кроме ритуалов по вызыванию дождя были и противоположные обряды – по вызыванию солнца. К ним прибегали тогда, когда нужно было приостановить затяжные дожди, ливни и град, могущие нанести вред садам, посевам и домашним животным. Вплоть до 70-х гг. XX в. в сел. Чирката бытовал обычай, когда при проливных дождях для их приостановления во двор дома выходила женщина без головного платка и с распущенными волосами. В повседневной жизни такое поведение женщины было недопустимо и осуждаемо, но в экстраординарных ситуациях к нему прибегали с целью побудить Всевышнего приостановить нежелательные осадки.

Во время града для его прекращения во дворе устанавливали топор («гІащтІи») острием лезвия вверх, а также выбрасывали очажный треножник («къ-аникъ махх») вверх ножками.

Итак, в обрядах вызывания дождя у аварцев Гумбета участвовали ряженные «цІадал хІама» («дождевой осел») и «ххарил хІама» («травяной осел»). Помимо обрядов с ряжеными были и другие приемы вызывания дождя и солнца.

Ряженные участвовали в обрядовой культуре аварцев Гумбета не только при вызывании дождя. Вплоть до недавнего времени они присутствовали также на свадьбах и выступлениях канатоходцев. Ряженные надевали на голову

войлочные или тряпичные маски с прорезями для глаз и рта и с пришитыми к голове войлочными ушами (как у осла). Ряженные носили вывернутые наизнанку шубы. В сел. Киялтль, Верхнее и Нижнее Инхо ряженных называли «Гиндуш» («ушастый»), а в сел. Чирката – «Гарци бер» («серебряный глаз»). Ряженными обычно бывали местные жители. На свадьбах они выступали бесплатно, а на представлениях канатоходцев их нанимали за плату. Ряженные старались быть неузнанными. Основной их функцией на семейных торжествах и общественных мероприятиях было веселить публику и отвлекать на себя возможный «злой глаз» недоброжелателей от жениха с невестой и канатоходцев. Ряженные танцевали, кувыркались, мазались сажей и бросались мукой в зрителей, присутствовавших на свадьбах и представлениях канатоходцев. За это на них не обижались. Ряженные участвовали в семейно-бытовых и общественно-бытовых обрядах аварцев Гумбета вплоть до 70-х гг. XX в.

Подводя итог участию ряженных в календарных, семейно-бытовых и общественно-бытовых обрядах аварцев и других дагестанцев, следует отметить, что у некоторых народов Северо-Восточного Кавказа в ритуалах метеорологической магии вместо обрядового ряжения человека применялась кукла, что свидетельствует об «определенной деградации обряда в сторону его упрощения и символизации, что, вероятно, связано с процессами и изменениями в хозяйственном и общественном быту и религиозном сознании» [7, с. 298].

Применение куклы в упомянутых обрядах у аварцев не зафиксировано. Однако она применялась в некоторых общественно-бытовых обрядах. По существующему издревле обычаю взаимопомощи, при строительстве дома для новой семьи гумбетовцы, как и другие аварцы [15, с. 388–392] и народы Дагестана [16], устраивали помочи («гвай»), в которых участвовали соседи и родственники жениха. На заключительном этапе строительства, при обмазке глиной полов и стен жилища, женщины лепили из нее «грязевую куклу» («хГаршул ясикЮ») и молча отправляли ее в дом родителей невесты. Те принимали куклу, а в ответ посылали участвовавшим в «гвае» поднос с едой – вареное мясо, *чуду* («цГурал чадал»), мучную халву («бахьухь»).

В доме невесты тоже устраивала «гвай» с участием женщин для подготовки постельных принадлежностей для молодоженов. По его завершении из локутков и остатков материи готовили «тряпичную куклу» («чГартГил ясикЮ») и так же молча отправляли ее в дом жениха. Родители жениха в свою очередь отправляли женщинам поднос с яствами.

Итак, как это видно, на стадии предсвадебных обрядов у аварцев Гумбета применялся обычай взаимопомощи при строительстве дома и подготовке постельных принадлежностей для молодых. Примечателен обычай свадебного дарообмена, в котором фигурируют «грязевая» и «тряпичная» куклы.

В обыденной жизни слабовольного и мягкотелого мальчика обзывают «тряпичным мальчиком» («чГартГил васикЮ») (сел. Киялтль).

Как нам кажется, применяемые в обрядовой культуре и общественном быту аварцев и других народов Дагестана куклы являлись «ипостасями божеств,

связанных с аграрным производством, покровительством семье и культом плодородия» [7, с. 345].

Наряду с ряжеными и куклами – медиаторами между богами и человеком, олицетворениями связанных с культом плодородия патронов хозяйственных занятий, семьи и брака, в мифологии аварцев Гумбета сохранились представления об обитающих в горах мифологических персонажах – Будулаал, покровительствующих диким животным и охоте. С принятием ислама они стали восприниматься в качестве мусульманских святых, посредников между человеком и Всевышним. По облику они будто бы напоминают людей, облаченных в белые одежды. Живут на вершинах неприступных гор, в скалах и пещерах. Питаются мясом дичи. Туры – их любимые животные. Они убивают диких животных, съедают их мясо, не ломая при этом костей, которые затем кладут в шкуры убитых ими животных и потом оживляют их. Охотники убивают ту дичь, которую уже съели, а затем оживляют *Будулаал* (сел. Киялтль, Верхнее и Нижнее Инхо).

Горные духи якобы помогают найти дорогу заблудившимся в горах людям, если те обратятся к ним за помощью: «Я, Будулаал, кумек гьабе!» («О, Будулаал, помогите!»).

Примечательно, что за помощью к Будулаал обращаются и в наши дни. Например, во время вторжения международных террористов в Дагестан, в августе–сентябре 1999 г., пожилые женщины сел. Верхнее Инхо поднялись на крышу мечети и, воздев руки к небу, взмолились ко Всевышнему, призывая его о помощи: «Будулаал, гьаре Аллагьасда нижеде тIаде гьел тушбаби риччагеян!» («Будулаал, попросите Аллаха, чтобы он не допустил врагов до нас!»). Одна из этих женщин увидела во сне своего покойного отца-устаза, который якобы сказал ей: «Аллагьас кьабул гьабуна нужер гьари, ва тушбаби нижеде рачIине гьечIо» («Аллах принял (услышал) вашу молитву, и враги к вам не придут»). В данном случае Будулаал выступают в роли посредников между человеком и Всевышним, что противоречит доктрине ислама, не признающего сотоварищей *Аллаха*.

На юго-западной окраине сел. Нижнее Инхо находится «Родник Будулаал» («Будулаазул ицц»). Его называли так, потому что имелись люди, которые якобы видели, как Будулаал совершали у этого родника омовение перед утренним намазом. Там у родника на камнях будто бы были видны следы их мокрых босых ног. Женщины, которые шли утром на полевые работы и возвращались вечером с них, умывали свое лицо водой из этого родника, так как по поверью, она обладала способностью снимать усталость и придавать силы.

Итак, в верованиях аварцев Гумбета сохранилась вера в исламизированных антропоморфных горных духов Будулаал, которые покровительствовали диким животным и охоте, помогали заблудившимся в горах людям, если те обращались к ним за помощью. Представляет интерес то обстоятельство, что к Будулаал (как посредникам между человеком и Всевышним) аварцы Гумбета обращаются в экстраординарных ситуациях и в наши дни.

Представления о горных духах Будулаал сохранились в мифологиях и других аварцев [17, с. 37–38, 41–42; 18, с. 301–302].

Стадиально наиболее поздно у народов Дагестана сформировались представления о верховных богах пантеона. Этот процесс выпадает на эпоху «качественно нового этапа в развитии земледелия и скотоводства, производящего хозяйства, приходящегося на период широкого распространения железа, железных орудий труда, явившихся важнейшим фактором и движущей силой процесса социально-экономического развития, обусловившего переход от варварства к цивилизации, к классовому обществу и государственным формам общественной жизни» [7, с. 187].

Будучи частью аварского этноса, лексика и фразеология языка аварцев Гумбета сохранила теонимы былых верховных божеств пантеона. Так, в аварском языке понятия «Владыка», «Господь», «бог» обозначаются как БетІергъан и Бечед [19, с. 61]. При любой просьбе, мольбе или пожелании аварцы Гумбета обращаются следующим образом: «Я, БетІергъан-Аллагъ!» («О, Господь-Аллах!»). Жена, уважительно отзываясь о своем муже, говорит «дир БетІергъан-чи», в смысле «мой господин».

По мнению М.А. Агларова, понимаемое ныне как «божья милость» аварское слово «ЦІоб» является трансформацией доисламского аваро-андо-дидойского божества ЦІоб [20, с. 67]. Имя ЦІоба встречается у аварцев Гумбета в клятвах и благопожеланиях: «ЦІоб гІатІидав!» («Бесконечно милостивый [о божестве]»), «Аллагъасул ЦІоб лъеги!» («Да смилостивится Аллах!»), «Бичасул ЦІоб лъеги!» («Да смилостивится Бечед!»). Последняя фраза, помимо ЦІоба, упоминает и другое аварское верховное божество – Бечед, имя которого довольно часто можно услышать в поговорке «Бичас бичани!» («Если Бечеду будет угодно [то это случится]!»). У гумбетовцев понятия «Аллагъасул авараг» («Аллаха пророк») и «Бичасул авараг» («Бечеда пророк») идентичны, хотя это противоречит доктрине ислама о строгом единобожии, считающего Аллаха единственным богом, у которого нет сотоварищей.

Итак, как это видно из представленного материала, лексика и фразеология аварцев Гумбета сохранила имена былых верховных богов пантеона – БетІергъан, Бечед, ЦІоб. С принятием ислама первые два теонима стали синонимами Аллаха, а третье – трансформировалось в понятие «божья милость».

Имена былых верховных языческих богов, отождествляемых с принятием ислама с Аллахом, сохранились и у других аварцев и народов Дагестана [21, с. 39; 7, с. 155–156, 157–205].

Таким образом, приведенный материал по фольклору, лексике и фразеологии, календарным, семейным и общественным обрядам аварцев Гумбета донес до нас образы былых божеств пантеона аварцев.

Демонология аварцев Гумбета представлена как добродетельными по отношению к человеку, так и злокозненными персонажами. К первым относятся так называемые «домовые» или «фундаментные змеи». Аварцы Гумбета верили в существование «фундаментной змеи» («кьорчІол борохъ»), якобы

обитающей в фундаменте дома. В сел. Киялтль эту змею называли *Хоно-борохь* («Яйцо-змея»). По описаниям, она серого цвета, а на голове у нее два оранжевых пятна. Для человека она безвредна, поэтому её не убивают. От наличия этой змеи в фундаменте жилища будто бы зависело благополучие и достаток («баракат») населяющей его семьи.

К другим же змеям аварцы Гумбета относятся негативно: при встрече с ними их стараются убить. Но осенью существовал запрет на убийство змей. В противном случае они будто бы взвалит на тебя все свои тяготы и заботы. Нельзя было также ранить змею вблизи водоема: «если она раненная сумеет доползти до воды, то тебя ожидают крупные неприятности вплоть до смерти». Если же змею убивали во время засухи, ее нужно было обязательно похоронить, а у изголовья поставить маленький надмогильный памятник (сел. Нижнее Инхо).

Итак, можно отметить, что в мифологии гумбетовцев существовала вера в «фундаментных змей», с которыми связывались благополучие и достаток семьи. К обычным же змеям они относились негативно. С ними были связаны сезонная, казуальная и календарно-обрядовая табуация.

Вера в добродетельных человеку «фундаментных змей» существовала и у других народов Дагестана [22, с. 16–60; 18, с. 232].

Помимо добродетельных демонов мифология народов Дагестана представлена и злокозненными духами. К ним относятся демоны, проникающие в ночное время в жилище и душащие человека во время сна. В демонологии аварцев Гумбета сохранилось представление о таком персонаже – *ХъегIело*. Это – злой демон неопределенного облика. Он проникал в жилище в полночь («ночь символизирует хаос, смерть, безумие, разрушение» [5, с. 218]) и наваливался своей тяжестью на человека, сковывая его дыхание и движения тела. В сел. Верхнее Инхо считали, что *ХъегIело* наваливается только на спящих на животе людей, а в сел. Киялтль – что он садится на грудь лежащих на спине мужчин.

Как рассказывают очевидцы, демон давил и душил людей не только дома, но и вне его. По словам жителя сел. Нижнее Инхо Исадибира Магомедова, в 90-х гг. XX в. из-за поломки своего грузового автомобиля «Камаз» на Харибском перевале он был вынужден заночевать в его кабине. Ночью сквозь сон он услышал, как открылась запертая им дверь машины, и кто-то навалился на него своей тяжестью и долго душил его. Он догадался, что это был *ХъегIело*. Спустя некоторое время демон сполз с него, открыл дверь машины и захлопнув ее, исчез. В другой раз на том же Харибском перевале Исадибир остановился для совершения намаза в придорожном домике. После совершения намаза он завернулся в тулуп и заснул, лежа на спине. И на этот раз к нему явился *ХъегIело* и долго давил и душил его. Часто демон донимает спящего Исадибира и дома, поэтому он вынужден засыпать при включенном свете и телевизоре.

Рассказывают, что *ХъегIело* обладает волшебными предметами – золотом («месед») (сел. Верхнее Инхо), золотой короной («меседи таж») (сел. Нижнее Инхо), золотыми ножницами («меседил кIвекьмах») (сел. Киялтль).

Говорили также, что радуга «Нур» («Сияние») – это отсвет от сияния «золотых ножниц» *ХъегIело* (сел. Килятль). Существует представление, что, если какому-либо человеку удастся завладеть волшебными предметами демона *ХъегIело*, то он станет обладателем несметного и неиссякаемого богатства. Перед тем как навалиться на человека *ХъегIело* будто бы кладет свои волшебные предметы в нишу над дверным проемом («нуцил къоно»). Через эту нишу раньше закладывали щеколду, которой запирали дверь. Существовало поверье, что, если человеку удастся встать, неся на себе *ХъегIело*, и завладеть оставленными им в нише над порогом волшебными предметами, то он разбогатеет. Схватив золотые предметы, нужно было бежать с ними за дверной порог («проход от профанного к сакральному», «вхождение в новый мир» [5, с. 256]) на улицу. Но, как говорят, сделать это никому не удавалось, так как демон настигал похитителя, отбирал у него свое золото и с размаху бил пятерней по человеческому заду. На том месте, куда ударил домовой, оставался отпечаток его пятерни, который невозможно было скрыть никакой, даже железной, одеждой: материя на этом месте постоянно рвалась. И в наши дни, когда видят на каком-либо человеке порванную одежду, говорят ему: «*ХъегIело*ляль хъат бана?» («*ХъегIело* лапой ударил что ли?»).

Навалившись на человека своей тяжестью, *ХъегIело* давил и душил его. Изнемогавший под тяжестью демона, спящий человек хрипел и задыхался, но не мог при этом пошевелиться. Существовали приемы и обереги, при помощи которых люди старались избавиться от посещений *ХъегIело*. Для этого произносили вслух или про себя мусульманские молитвы («дугIа»). Полагали, что избавиться от навалившегося на человека демона можно было, если сумеешь сделать вдох и выдох, пошевелить пальцем руки или ноги, издать какой-нибудь звук. Для того, чтобы застраховать себя от визитов демона, нужно было, находясь в туалете, съесть что-нибудь. Оберегом от демона служил положенный под подушку нож.

Вера в злого духа, проникающего в жилище, чтобы душил человека, и обладающего волшебными предметами, бытовала и у других народов Дагестана [23, с. 131–147; 24, с. 26–27; 22, с. 61–139; 25, с. 111–113].

Другим злым духом был демон-антагонист беременных. В мифологиях большинства аварцев Гумбета он назывался *ХудучI*. Он проникал в жилище так же ночью и крал плод из утробы богобоязненных и благочестивых беременных женщин. Они при этом не испытывали никакой боли. Похитив плод, демон оставлял на пороге жилища одну (сел. Верхнее Инхо) или несколько капель крови (сел. Килятль). Куда затем демон уносил украденный им плод – неизвестно.

В сел. Нижнее Инхо считали, что плод у беременных женщин крадет не *ХудучI*, а *Будулаал*, которые уносили его на вершины обитаемых ими гор. На пороге жилища *Будулаал* оставляли несколько капель крови. В пути они якобы останавливались и делали привалы. Украденный плод они клали на ствол дерева. Верили, что, если плод клали на зеленое дерево – женщина,

у которой он был украден, сможет в дальнейшем иметь детей, а если на сухое – будет бесплодной.

Рассказывают, что в 60-х гг. XX в. в сел. Верхнее Инхо *ХудучI* украл плод у одной из жительниц этого села, у которой до этого случая уже умерли в младенчестве двое детей. В сел. Киятль помнят о нескольких случаях, связанных с кражей плода у беременных. Говорят, что после смерти этих женщин у ворот рая их встретят украденные у них дети, которые за руку введут своих матерей в эту обитель праведников. Считается, что любой ребенок, умерший до достижения совершеннолетия (15 лет), на том свете стоит у ворот ада и не допускает того, чтобы его родители туда попали.

В случае смерти детей у гумбетовцев принято выражать соболезнование их родителям следующими словами: «Алжан къачIазе, арав ватаги!» («Да обустроит он [то есть умерший ребенок] тебя в раю!»).

Итак, как это видно, в некоторых селениях Гумбета бытовала вера в демона-антагониста беременных – *ХудучI*. В других селениях считали, что плод у беременных крадет не *ХудучI*, а горные духи *Будулаал*. Следует отметить, что такая неопределенность свойственна и другим аварцам, что связано с амбивалентностью функций отдельных мифологических персонажей и расщеплении их образов на добродетельных и однозначно враждебных человеку.

Мифологические представления о демонах-антагонистах беременных и рожениц существовали и у других народов Дагестана [26, с. 81; 10, с. 35–36; 27, с. 33–34, 44; 22, с. 140–190].

Большое место в демонологии аварцев Гумбета занимали представления о мусульманских мифологических персонажах – шайтанах («*шайтIан*») [28, с. 509]. Следует отметить, что эти персонажи с принятием ислама поглотили местные мифологические образы со сходными ипостасями и функциями. По внешнему облику шайтаны будто бы подобны людям, но только разрез глаз у них не вдоль, а поперек, и такую же форму имеет зрачок (сел. Киятль). Иногда встречаются шайтаны в обличье косоглазых («косоглазие – знак злого человека» [29, с. 204]) людей. По всеобщему мнению, локусами обитания шайтанов были горы, ущелья, пропасти, мельницы, места выброса мусора и нечистот. Помимо них в каждом селении были местности, которые людская молва приписывала к местам, где обитает нечистая сила. Так, на северной окраине сел. Верхнее Инхо, по дороге на сел. Читль, расположена скала, называемая «ГанчIи куру» («Каменная скала»). Внутри этой скалы якобы обитали шайтаны. Если поздно ночью кто-нибудь шел мимо этой скалы, шайтаны якобы бросались в него камнями. На юго-западной окраине сел. Нижнее Инхо находится «Огненное ущелье» («БухIила кIал»), в котором будто бы обитали шайтаны. Шайтанов в обличье косоглазых людей чабаны видели в скалах и гротах местности «Рукъалиб», что на восточной окраине этого села.

Шайтаны будто бы водились на южной окраине сел. Киятль, где находилась мусорная свалка. Проходя мимо нее, нужно было читать мусульманскую молитву «Къулгъу». Они якобы обитали также в местности «Исува жаниб»,

расположенной на юго-восточной окраине села, в ущелье, заканчивающимся оврагом и ореховой рощей. За селом, в садах местности «Макказул бусен» («Голубинные гнезда»), как говорят, находилось село шайтанов (сел. Киялтль).

В сел. Чирката бытовало верование, что шайтаны водятся на мельницах. В 60-х гг. XX в. в этом селении еще функционировала общественная мельница «Шабал-гъобо», при которой имелся мельник. Говорят, что он частенько жаловался на то, что, если ему по работе приходилось ночевать на мельнице, то его донимала нечистая сила. Чтобы оградить себя от их влияния он произносил молитву «Къулгъу» и проклятие в адрес «имевших злой глаз («носитель смертоносного взгляда различных фантастических существ» [9, с. 244–245]) и нечестивых *Илбиса* и шайтанов» («Бер хIарамазде, хIал хъубазде, *Илбисазде, шайтIабазде*»), после чего плевался налево и направо от себя.

Имеется множество быличек о контактах человека с нечистой силой. Например, в сел. Верхнее Инхо помнят о случае, который произошел с возвращавшимся домой ночью чабаном из их села. Этот чабан был подпоясан кинжалом. В местности «Бакъвараб къулгIа» («Иссякший родник») его неожиданно окружили какие-то люди, многократно повторявшие следующую фразу: «Бакъуль бугеб квешаб жо гIодоб рехе кIанцIеро!» («Плохую вещь, которая [находится у тебя] посередине, выброси, попрыгунчик!»). Под «плохой вещью» подразумевался кинжал. Несмотря на их настойчивые просьбы, чабан не снял с пояса кинжал, что спасло ему жизнь. На прощание эти люди подарили чабану коня. Доехав верхом до селения, он спешился и, зайдя во двор своего дома, привязал коня к коновязи. После того, как чабан зашел к себе домой, он попросил жену покормить коня. Через некоторое время жена вернулась и сообщила ему, что там нет никакого коня. Подойдя к коновязи, чабан увидел, что к ней вместо коня привязана ветка сосны. Тут он догадался, что встреченные им в горах люди были шайтаны.

По словам бабушки Сабигат из сел. Киялтль, в нескольких километрах к северо-западу от села, в лесу, вблизи тропинки у скалы, расположена местность «БургIал кIалтIа» («Ворота Бургала»), которая якобы является местом сбора шайтанов. Как только Сабигат доходит до этого места, с ней случается эпилептический припадок. После припадка она долго болеет и приходит в себя. Лекарь из сел. Нижнее Инхо Газимагомед считает, что Сабигат одержима нечистой силой. Однажды он попытался прийти к ней домой, чтобы при помощи мусульманских молитв излечить ее от недуга. Однако, как говорят, дойти до дома Сабигат Газимагомеду не удалось, так как у сельского родника он был якобы схвачен шайтанами и избит ими до синяков – они всячески препятствовали излечению этой женщины.

Говорят также, что в сел. Тлох был алим Салман, который обладал властью над шайтанами: он заставлял их работать у себя в саду. Шайтаны будто бы много раз жаловались Салману на свою нелегкую долю и просили его отпустить их, но он был неумолим.

Люди старались избежать контакта с нечистой силой, невзначай не задеть ее, так как шайтаны в отместку могли наказать этого человека, наслав на него порчу и другие болезни. Например, в сел. Верхнее Инхо взрослые не разрешали детям ночью бросать камешки в кучи мусора, места выброса нечистот и навоза, в ущелья и пропасти, говоря им: «Не бросайте камешки, иначе разобьете посуду и покалечите детей шайтанов, и тогда они навредят нам!» («Нужеца чИмхал речIуге, гъез гъезул цIарагI-матахI бекизе бегъула, ва шайтIабазул лъималазе зарал гъабизеги бегъула, гъелъул хIасилалда гъез нилъееги зарал гъабизе рес буго»).

Если ребенок неожиданно заболел, то считали, что, играя в определенной местности, он ненароком задел шайтанов. Для того чтобы излечить ребенка, на это место несли мучную халву («бахъухъ») и оставляли ее там, прося шайтанов принять это подношение и простить их ребенка (сел. Верхнее Инхо).

Если у кого-либо случался паралич лица, сопровождавшийся искривлением рта («кIал цIан буго» – «рот искривляется»), то предполагали, что этот человек, справляя малую нужду, обрызгал шайтанов и те в отместку ударили его по лицу. Для того чтобы излечить больного и задобрить шайтанов, резали черную курицу и завернув ее в саван хоронили на том месте, где помочился больной. В сел. Верхнее Инхо этот обряд проводили вплоть до середины 90-х гг. XX в.

Говорят, что в сел. Нижнее Инхо был психически больной человек по прозвищу «ШайтIан-ГIахIмад» (Шайтан-Ахмед). Он будто бы случайно ударил шайтана, за что был наказан им психической болезнью. В сел. Килятль была известна девочка, у которой наблюдалась бессвязная речь, она часто заикалась. Говорят, что это произошло с ней после того, как шайтаны завели ее в угол хлева и били головой о камни стены.

Взрослые не разрешали детям вечером играть на улице, пугая тем, что их заберет шайтан. Впрочем, помимо шайтана непослушных детей вечером пугали и тем, что их «придет и заберет БогIоло» («БогIоло бачIуне буго, вачун ина»). *БогIоло* представляли существом с большими глазами и рогами. Детей пугали и тем, что их придет и украдет *Шагъав* – мифический мужчина высокого роста и в бурке.

Верования, связанные с шайтаном и злыми духами, бытовали и у других народов Дагестана [30, с. 134–151; 22, с. 258–325].

Итак, как это видно из приведенного материала, демонология аварцев Гумбета представлена различными мифологическими персонажами – добродетельными («фундаментные змеи») и враждебными (большинство демонов) человеку.

Заключение

Таким образом, анализ лексики и фразеологии, фольклора и обрядовой культуры аварцев Гумбета показал многообразие сохранившихся до советского и новейшего времени мифологических персонажей былого пантеона и

пандемониума аварцев. Они представлены множеством различных олицетворяемых образов: персонифицируемыми небесными светилами и атмосферными явлениями, ряженными и куклами, горными духами, верховными божествами; «фундаментными змеями», проникающим в жилище и душащим человека злым демоном, демоном-антагонистом беременных, шайтанами. Большинство этих персонажей находят свои аналогии в мифологиях других народов Дагестана, что свидетельствует об общности происхождения и складывания основных черт их духовной культуры еще в древности. С принятием ислама некоторые из этих персонажей были исламизированы, их имена стали отождествляться с Аллахом. Это обстоятельство свидетельствует о синкретизме религиозных верований аварцев Гумбета, других аварцев и народов Дагестана, сохранивших в своей духовной культуре реликты прежних форм религии.

Причины сохранности домонотеистических мифологических персонажей и ранних форм религий в условиях более чем шестисотлетнего исповедания ислама аварцами Гумбета, урбанизации и глобализации советского и новейшего времени следует объяснять присущим всем дагестанцам здоровым консерватизмом, а также особенностями их менталитета – «патриархальности, приверженности к традиционному укладу, стабильным системам ценностей, устойчивым поведенческим стереотипам» [31, с. 4].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиев Б.Г. Горные общества Дагестана в политике России в конце XVIII – первой четверти XIX в. и вступление в подданство Российской империи. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН; Алеф, 2007. 256 с.
2. Агларов М.А. Андийцы: Историко-этнографическое исследование. Махачкала: «Юпитер», 2002. 304 с.
3. Хапизов Ш.М. Из истории сельских общин Горного Дагестана: селение Цилитль Гумбетовского района // Вестник Дагестанского научного центра. 2021. № 80. С. 17–33.
4. Криштопа А.Е. Дагестан в XIII – начале XV в.: Очерк политической истории. М.: «ТАУС», 2007. 228 с.
5. Купер Дж. Энциклопедия символов. М.: Ассоциация Духовного Единения «Золотой век», 1995. 399 с.
6. Мусаева М.К. Хваршины. XIX – нач. XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 1995. 251 с.
7. Сефербеков Р.И. Пантеон языческих божеств народов Дагестана (типология,

REFERENCES

1. Aliev BG. *Mountain societies of Dagestan in the policy of Russia at the end of the 18th – the first quarter of the 19th century. and entry into the citizenship of the Russian Empire [Gornye obshhestva Dagestana v politike Rossii v konce XVIII – pervoj chetverti XIX v. i vstuplenie v poddanstvo Rossijskoj imperii]*. Makhachkala: Institute of IAE DSC RAS; Alef, 2007. 256 p. (In Russ)
2. Aglarov MA. *The Andeans: A Historical and Ethnographic Study [Andijcy: Istoriko-jetnograficheskoe issledovanie]*. Makhachkala: «Jupiter», 2002. 304 p. (In Russ)
3. Hapizov ShM. From the history of rural communities of Mountainous Dagestan: the village of Tsilitl, Gumbetovsky district [Iz istorii sel'skih obshhin Gornogo Dagestana: selenie Cilitl' Gumbetovskogo rajona] *Bulletin of the Dagestan Scientific Center*. 2021. No. 80: 17-33. (In Russ)
4. Krishtopa AE. *Dagestan in the 13th – early 15th century: An outline of political history [Dagestan v XIII – nachale HV v.: Oчерk politicheskoy istorii]*. Moscow: “TAUS”, 2007. 228 p.

характеристика, персонификации). Махачкала, 2009. 407 с.

8. Топоров В.Н. Мост // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2-х т. 2-е изд. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Российская энциклопедия, 1994. Т. 2. С. 176–177.

9. Вовк О.В. Знаки и символы в истории цивилизаций. М.: «Вече», 2005. 383 с.

10. Алигаджиева З.А. Пережитки домонотеистических верований и обрядов у аварцев-андалальцев в XIX – начале XX в. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2012. 172 с.

11. Агларов М.А. Хиндалал: Аварцы горных долин Центрального и Западного Дагестана: Очерки традиционной культуры и этноэкономики. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН; МавраевЪ, 2018. 152 с.

12. Османов М.О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 1996. 315 с.

13. Seferbekov R.I. Herbaceous Characters in the Popular Beliefs of the Peoples of Dagestan // Iran and the Caucasus. Leiden-Boston, 2014. № 18 (1). P. 47–50.

14. Акимушкин О.Ф. Зикр // Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С. М. Проzorov. М.: Наука, ГРВЛ, 1991. С. 77.

15. Исламмагомедов А.И. Аварцы: Историко-этнографическое исследование XVIII – нач. XX в. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2002. 432 с.

16. Эльмурзаев А.Д. Обычай взаимопомощи в хозяйственной деятельности народов Дагестана. XIX – начало XX в. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2009. 175 с.

17. Агларов М.А. Языческое святилище на вершине горы Бахарган (К изучению общинных и региональных культов в Дагестане) // Мифология народов Дагестана. Махачкала: Институт ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, 1984. С. 36–42.

18. Традиционный фольклор народов Дагестана / Отв. ред. Г.Г. Гамзатов, У.Б. Далгат. М.: Наука, 1991. 496 с.

19. Русско-аварский словарь / Сост. М.С. Саидов и М. Микаилов. Ред. М.С. Саидов. Махачкала: Изд-е Дагестанского филиала АН СССР, 1961. 1041 с.

20. Агларов М.А. Из верований народов Западного Дагестана (божество ЦЮб) // Проблемы мифологии и верований народов Дагестана. Махачкала: Институт ЯЛИ Даг. филиала АН СССР, 1988. С. 67–71.

(In Russ)

5. Kuper Dzh. Encyclopedia of symbols [Jenciklopedija simvolov]. Moscow: Association of Spiritual Unity “Golden Age”, 1995. 399 p.

6. Musaeva MK. *Khvarshiny. XIX – early. XX century: Historical and ethnographic research [Hvarshiny. XIX – nach. XX v.: Istoriko-jetnograficheskoe issledovanie]*. Makhachkala: Institute of IAE DSC RAS, 1995. 251 p. (In Russ)

7. Seferbekov RI. *Pantheon of pagan deities of the peoples of Dagestan (typology, characteristics, personifications) [Panteon jazycheskih bozhestv narodov Dagestana (tipologija, harakteristika, personifikacii)]*. Makhachkala, 2009. 407 p. (In Russ)

8. Toporov VN. Bridge [Most] *Myths of the peoples of the world. Encyclopedia*. In 2 vols. 2nd ed. / Ch. ed. S.A. Tokarev. Moscow: Russian Encyclopedia, 1994. V. 2:176-177. (In Russ)

9. Vovk OV. *Signs and symbols in the history of civilizations [Znaki i simvolj v istorii civilizacij]*. Moscow: “Veche”, 2005. 383 p. (In Russ)

10. Aligadzhieva ZA. *Survivals of pre-monotheistic beliefs and rituals among the Andalal Avars in the 19th – early 20th centuries [Perezhitki domonoteisticheskikh verovanij i obrjadov u avarcev-andalal'cev v XIX – nachale XX v.]*. Makhachkala: Institute of IAE DSC RAS, 2012. 172 p. (In Russ)

11. Aglarov MA. *Hindalal: Avars of the mountain valleys of Central and Western Dagestan: Essays on traditional culture and ethno-economics [Hindalal: Avarcy gornyh dolin Central'nogo i Zapadnogo Dagestana: Ocherki tradicionnoj kul'tury i jetnoekonomiki]*. Makhachkala: Institute of IAE DSC RAS; Mavraev, 2018. 152 p. (In Russ)

12. Osmanov MO. *Economic and cultural types (areas) of Dagestan [Hozjajstvenno-kul'turnye tipy (arealy) Dagestana]*. Makhachkala: Institute of IAE DSC RAS, 1996. 315 p. (In Russ)

13. Seferbekov RI. Herbaceous Characters in the Popular Beliefs of the Peoples of Dagestan *Iran and the Caucasus*. Leiden-Boston, 2014;18 (1):47-50.

14. Akimushkin OF. Dhikr [Zikr] *Islam: encyclopedic dictionary* / responsible ed. S.M. Prozorov. M.: Nauka, GRVL, 1991: 77. (In Russ)

15. Islammagomedov AI. *Avars: Historical and ethnographic study of the XVIII – early 20th century [Avarcy: Istoriko-jetnogra-*

21. Булатов Б.Б., Лугуев С.А. Духовная культура народов Дагестана в XVIII–XIX веках (аварцы, даргинцы, лакцы). Махачкала, 1999. 220 с.
22. Сефербеков Р.И. Персонажи низшей мифологии народов Дагестана. Махачкала: Институт ИАЭ ДФИЦ РАН, 2019. 360 с.
23. Булатов А.О. Пережитки домонотеистических верований народов Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала, 1990. 266 с.
24. Гаджиев Г.А. Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана. М.: Наука, 1991. 182 с.
25. Халидова М.Р. Мифологический и исторический эпос народов Дагестана. Махачкала: Институт ЯЛИ ДНЦ РАН, 1992. 273 с.
26. Абдинова А.Г. Реликты домонотеистических верований в семейной обрядности народов Дагестана (XIX – начало XX в.). Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2010. 164 с.
27. Мусаева М.К. Традиционные обычаи и обряды народов Нагорного Дагестана, связанные с рождением и воспитанием детей. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2006. 221 с.
28. Энциклопедия сверхъестественных существ / Сост. К. Королев. М.: «Миф»; «Локид», 1997. 592 с.
29. Энциклопедия суеверий / Сост. Э. и М.А. Рэдфорд; Е. Миненок. М.: «Миф»; «Локид», 1995. 560 с.
30. Исрапилова З.А. Пантеон и пандемониум даргинцев. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2010. 177 с.
31. Гаджимурадова З.М. Этническое самосознание дагестанцев на пороге XXI века (на материале сравнительного исследования этностереотипов старшего и младшего поколений аварцев и кумыков). 2-ое доп. и испр. изд. Махачкала: Дагестанский государственный педагогический университет; Изд-во «Алеф», 2020. 276 с.
- ficheskoe issledovanie XVIII – nach. XX v.].* Makhachkala: Institute of IAE DSC RAS, 2002. 432 p.
16. Jel'murzaev AD. *The custom of mutual assistance in the economic activities of the peoples of Dagestan. 19th – early 20th centuries [Obychaj vzaimopomoshhi v hozjajstvennoj dejatel'nosti narodov Dagestana. XIX – nachalo XX v.].* Makhachkala: Institute of IAE DSC RAS, 2009. 175 p. (In Russ)
17. Aglarov MA. Pagan Sanctuary on the Top of Mount Bakhargan (On the Study of Community and Regional Cults in Dagestan) [Jazycheskoe svjatilishhe na vershine gory Bahargan (K izucheniju obshhinnyh i regional'nyh kul'tov v Dagestane)] *Mythology of the peoples of Dagestan.* Makhachkala: Institute of IYAL, Dagestan Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 1984:36-42. (In Russ)
18. *Traditional folklor e of the peoples of Dagestan [Tradicionnyj fol'klor narodov Dagestana]* / Rep. ed. G.G. Gamzatov, U.B. Dalgat. M.: Nauka, 1991. 496 p. (In Russ)
19. *Russian-Avar dictionary [Russko-avarskij slovar'] / Comp. M.S. Saidov and M. Mikailov. Ed. M.S. Saidov.* Makhachkala: Publishing house of the Dagestan branch of the Academy of Sciences of the USSR, 1961. (In Russ)
20. Aglarov MA. From the beliefs of the peoples of Western Dagestan (deity TsIob) [Iz verovanij narodov Zapadnogo Dagestana (bozhestvo CIob)] *Problems of mythology and beliefs of the peoples of Dagestan.* Makhachkala: Yali Institute of the Dagestan Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 1988: 67-71. (In Russ)
21. Bulatov B.B., Luguev S.A. *Spiritual culture of the peoples of Dagestan in the XVIII–XIX centuries (Avars, Dargins, Laks) [Duhovnaja kul'tura narodov Dagestana v XVIII–XIX vekah (avarcy, dargincy, lakcy)].* Makhachkala, 1999. 220 p. (In Russ)
22. Seferbekov RI. *Characters of the lower mythology of the peoples of Dagestan [Personazhi nizshej mifologii narodov Dagestana].* Makhachkala: Institute of IAE DFRC RAS, 2019. 360 p. (In Russ)
23. Bulatov AO. *Survivals of pre-monotheistic beliefs of the peoples of Dagestan in the 19th – early 20th centuries [Perezhitki domonoteisticheskikh verovanij narodov Dagestana v XIX – nachale XX v.].* Makhachkala, 1990. 266 p. (In Russ)

24. Gadzhiev GA. *Pre-Islamic beliefs and rituals of the peoples of Nagorno-Dagestan* [Doislamskie verovanija i obrjady narodov Nagornogo Dagestana]. Moscow: Nauka, 1991. 182 p. (In Russ)

25. Halidova MR. *Mythological and historical epos of the peoples of Dagestan* [Mifologicheskij i istoricheskij jepos narodov Dagestana]. Makhachkala: Institute of Yali DSC RAS, 1992. 273 p.

26. Abdinova AG. *Relics of pre-monotheistic beliefs in the family rituals of the peoples of Dagestan (XIX – early XX century)* [Relikty domonoteisticheskikh verovanij v semejnoj obrjadnosti narodov Dagestana (XIX – nachalo XX v.)]. Makhachkala: Institute of IAE DSC RAS, 2010. 164 p.

27. Musaeva MK. *Traditional customs and rituals of the peoples of Nagorno-Dagestan associated with the birth and upbringing of children* [Tradicionnye obychai i obrjady narodov Nagornogo Dagestana, svjazannye s rozhdeniem i vospitaniem detej]. Makhachkala: Institute of IAE DSC RAS, 2006. 221 p. (In Russ)

28. *Encyclopedia of Supernatural Beings* [Jenciklopedija sverhestestvennyh sushhestv] / Comp. K. Korolev. Moscow: “Myth”; Lokid, 1997. 592 p. (In Russ)

29. *Encyclopedia of Superstitions* [Jenciklopedija sueverij] / Comp. E. and M.A. Radford; E. Minenok. Moscow: “Myth”; Lokid, 1995. 560 p. (In Russ)

30. Israpilova ZA. *Pantheon and pandemonium of the Dargins* [Panteon i pandemonium dargincev]. Makhachkala: Institute of IAE DSC RAS, 2010. 177 p. (In Russ)

31. Gadzhimuradova ZM. *Ethnic self-consciousness of Dagestanis on the threshold of the 21st century (based on a comparative study of the ethno-stereotypes of the older and younger generations of Avars and Kumyks)* [Jetnicheskoe samosoznanie dagestancev na poroge XXI veka (na materiale sravnitel'nogo issledovanija jetnostereotipov starshego i mladshogo pokolenij avarcev i kumykov)]. 2nd supplemented and corrected ed. Makhachkala: Dagestan State Pedagogical University; Publishing house “Aleph”, 2020. 276 p. (In Russ)

Поступила в редакцию 01.08.2022 г.

Принята к публикации 03.10.2022 г.

Опубликована 10.10.2022 г.